

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВЫБОРА СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДОМИНАНТЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ

Афанасьева В.В.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Что движет автором в выборе синтаксического значения вопросительности в качестве доминанты произведения или оформителя одной из сильных позиций текста? Речь идет, прежде всего, о жанре короткого рассказа, где выразительные средства любого уровня находятся в максимальной концентрации вследствие плотности ткани художественного произведения. Вопросительное предложение в прямой речи персонажа, в речи рассказчика или автора – явления разного порядка, и, тем не менее, выбранные в качестве некоего фокуса внимания читателя, представляют значительный интерес.

Трудно представить вопросительность синтаксической доминантой художественного произведения. Однако самобытный рассказ Дж.Чивера «*The Worm in the Apple*» производит именно такое впечатление. Повествование о семье Крачменов начинается и заканчивается приемом эмоционального нарастания с лексикой исключительно положительной коннотации: «...*were so very, very happy*», «*so pleased with everything*»; «...*lived happily, happily, happily, happily*». Рассказчик же подвергает сомнению каждую сторону их на первый взгляд благополучной жизни, делая это исключительно злорадно, из чего рождается соседство вышеупомянутых слов позитивной окраски с такой лексикой как *memory of loneliness, necrophilic ardor, so wretched and so lonely, a miserable and a boozy exile, discriminate, etc.*, образуя, используя терминологию стилистики, полуотмеченные структуры, наглядно демонстрирующие принцип обманутого ожидания: *She was a pretty woman with that striking pallor you so often find in maniacs.*

Ключевыми становятся именно вопросительные конструкции, присутствующие почти в каждом абзаце, содержащем предположение о наконец-то найденном «черве в этом розовом яблоке»:

«Who but someone suffering from a guilt complex would want so much light to pour into their rooms?»;

«Why be so intense about digging holes and planting seeds and watching them come up? Why this morbid concern with the earth?»;

«What was the sorrow that drove him?»;

«Why did they only have two children? Why not three or four? Was there perhaps some breakdown in their relationship after the birth of Tom?»;

«What was the source of this consistency? Were they frightened? Were they prudish? Were they monogamous? What was at the bottom of this appearance of happiness?» etc.

Рассказчик обращается с этим вопросами к читателю, как бы приглашая его к размышлению и обсуждению. Рассматривая стилистические функции вопросительных предложений в повествовательном тексте, проф. И.Р. Гальперин отмечал, что их не следует смешивать с риторическими вопросами. Они создают особую манеру повествования, известную в английской стилистике как «familiar style». Такие эмфатические вопросы иногда остаются без ответа, потому что писатель заставляет аудиторию ответить на них [1, с. 212, 214]. В данном рассказе все вопросы – вопросы без ответа, и, тем не менее, как читатели мы чувствуем, что это именно эмфатические, а не риторические вопросы, обращенные к нам. Благодаря центральной, доминирующей роли эмфатических вопросов повествование целиком превращается в диалог с читателем.

Подобный диалог, доведенный до качества исповеди, предстает перед читателем в рассказе Р.Дала «Nunc Dimitis». Аллюзия к Библии в заголовке сразу настраивает читателя на некое таинство, непрозаический сюжет. Главный герой, от чьего лица ведется повествование, исповедуется перед читателем, как мы узнаем в самом конце рассказа, уже на пороге кончины.

Подобный эффект диалога создается с самого первого абзаца: *It is nearly midnight, and I can see that if I don't make a start with writing this story now, I never shall. All evening I have been sitting here trying to force myself, but the more I have thought about it, the more appalled and ashamed and distressed I have become by the whole thing.*

Герой ищет понимания у читателя, обращаясь к нему, в том числе и через стилистический прием эмфатического вопроса:

«When I say to you that my friends were my whole life – everything, absolutely everything in it – then perhaps you will begin to understand. Will you? I doubt it unless I digress for a minute to tell you roughly the sort of person I am».

«You should know me well enough by now to judge me fairly – and dare I hope it? – to sympathize with me when you hear my story».

Во втором случае вопрос оформлен как вставная конструкция, возможно для того, чтобы привлечь внимание читателя уже на середине мысли. Вопрос здесь одновременно служит просьбой. В первом примере также присутствует вставная конструкция, содержащая стилистический прием эмоционального нарастания. Обращенный к читателю эмфатический вопрос *Will you?* сопровождается ответом, выражающим сомнение героя и одновременно надежду на снисхождение и понимание.

А что же риторический вопрос? Проф. М.Ю. Скребнев и М.Д. Кузнец отмечали, что заключенная в самом значении синтаксической категории вопросительности апелляция к слушателю делает риторический вопрос средством усиления выразительности, оживляет и разнообразит монологическую речь [2, с. 90]. И в речи автора он является действенным средством привлечения внимания к самому важному, во многих случаях к касающимся проблематики произведения выводам автора. Значимым примером использования вопроса в одной из сильных позиций текста – заключительном предложении произведения – является рассказ Г. Уэллса “The Door in the Wall”:

«We see our world fair and common, the hoarding and the pit. By our daylight standard he walked out of security into darkness, danger, and death.

But did he see like that?»

В данном случае сложно провести разницу между риторическим и эмфатическим вопросом. Призывает ли автор читателя ответить на вопрос или он всем произведением доказывает отчаянное одиночество героя и нестандартный путь к обретению счастья.

Произведения Дж.К. Джерома также являются интересным примером завершения произведения – короткого рассказа и отдельной главы романа – риторическим вопросом. Обратимся к его роману «Three Men in a Boat», который, как заявлено в предисловии, не претендует на серьезность и назидательность. Однако по прочтении его открываются многие истины человеческой жизни. И даже в самых смешных и нелепых ситуациях, составляющих юмористическую основу романа, автор нет-нет, да и вынесет многозначительное заключение, как, например, заканчивая главу XIII:

«Thus does unjust suspicion follow even the most blameless; for, as the poet says, “Who shall escape calumny?”

Who, indeed?»

Бес сомнения, стилистическим приемом в данном случае является риторический вопрос, им автор усиливает приведенную до этого цитату, заставляя читателя приостановиться и задуматься над этим изречением. Таким образом, забавное приключение с Гаррисом и потерей пирога, в котором он считал виновными своих друзей, писатель не оставляет без обобщающего серьезного умозаключения.

В рассказе «On the Early Days of the Telephone» Дж.К. Джером с присущим ему юмором повествует о неприятностях, которые внес телефон в быт людей, завершая повествование вопросом:

«How after this can a man sit down at his table and write a book?»

Повествование ведется от первого лица, и в восприятии читателя рассказчик, пишущий книги, сливаются с автором.

Синтаксические средства на уровне синтаксиса достаточно многообразны и без учета риторического и эмфатического вопроса, но в том и заключается индивидуальность, неординарность писателя, прибегающего, в том числе, и к этим приемам. «Известно, что вопрос всегда больше нагружен эмоционально, чем утверждение или отрицание» [1, с. 212, 214]. В последней мысли, последнем предложении произведения читатель по привычке ожидает однозначности, определенности от автора, вопросительность же позволяет не только закончить повествование на высокой эмоциональной ноте, но и держать ее, так же как педаль рояля позволяет обогатить звучание струн обертонами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка - М.: Изд-во иностр. лит., 1958. - 459 с.
2. Кузнец М.Д., Скребнев М.Ю. Стилистика английского языка – Ленинград: УЧПЕДГИЗ, 196 – 173 с.